

ИСТОРИИ

**«Указано, что я использовал
сокращенное название „Открытой
России“ — в целях конспирации»**

Бывшему активисту «Открытки» вынесли
приговор по статье о «нежелательной»
организации. Мы с ним поговорили

13:58, 13 февраля 2020 · Источник: Meduza

Фото: Владимир Жабриков / URA.RU / ТАСС. Максим Верников (крайний
справа) в ноябре 2017 года

[Ссылка на материал](#)

Это PDF-версия материала, опубликованного на «Медузе». Вы можете отправить этот файл в любом мессенджере или по электронной почте вашим близким в России, особенно тем, кто не умеет обходить блокировки. Вы можете также распечатать этот текст и показать его тем, кто не пользуется интернетом.

«Медуза» признана «нежелательной» организацией на территории РФ, поэтому, пожалуйста, будьте осторожны и делитесь нашими материалами только с теми, кому доверяете.

Подробнее о «нежелательном» статусе.

Самый удобный способ читать «Медузу» без VPN — это скачать наше приложение. Оно работает в России, несмотря на блокировку, и это абсолютно безопасно. Версия для iOS и для Android. Приложение на Android также можно скачать по прямой ссылке.

Устанавливайте приложение не только себе, но и близким!

11 февраля в России вынесли первый приговор по статье⁽¹⁾ об осуществлении деятельности «нежелательной» организации. Бывшего координатора российского движения «Открытая Россия» в Свердловской области и журналиста «Урал. МБХ медиа» Максима Верникова приговорили к 300 часам обязательных работ. Свою вину Верников не признал. Спецкор «Медузы» Павел Мерзликин поговорил с активистом о приговоре и его последствиях.

— Кем вы были в «Открытой России»?

— В «Открытую Россию» я вступил в сентябре 2017-го, а вышел в феврале 2019-го. С ноября 2017-го по декабрь 2018-го был координатором в Свердловской области. Занимался общественной работой, привлечением людей к проблемам общественно-политической повестке, к проблемам прав человека. Проводили пикеты, митинги, старались проводить мероприятия на правозащитную тему.

В декабре 2018-го прошли выборы в региональный совет — я был избран и решил не баллотироваться в координаторы. А в феврале 2019-го года вообще вышел из «Открытой России».

— Почему?

— Просто вышел. Принял решение, что в сложившейся обстановке лучше покинуть движение.

— Уголовного дела еще не было?

— Не было.

— Ваш уход, вероятно, был связан с возможным преследованием по статье о «нежелательной» организации, а она позволяет освободить человека от ответственности, если он добровольно прекратил участие в организации?

— Не хотел бы отвечать на этот вопрос.

— До этой истории вас привлекали к административной или уголовной ответственности?

— Была одна административка по части 5 статьи 20.2 за участие в акции 9 сентября 2018 года в Екатеринбурге. И три административки по 20.33 — той самой статье об осуществлении деятельности «нежелательной» организации. Первая — за организацию, проведение и публичное информирование людей об учредительном собрании свердловского отделения «Открытой России» 11 ноября 2017 года, по ней был штраф в 5 тысяч рублей. Вторая — в сентябре 2018 года за публикацию постов об «Открытой России» во «ВКонтакте», штраф — 7 тысяч.

А третья административка — за проведение онлайн-конференции с Михаилом Борисовичем Ходорковским, хотя она не являлась и не позиционировалась как мероприятие «Открытой России».

По закону, если лицо дважды за год привлекалось по 20.33, то начиная с третьего так называемого правонарушения уже может быть как административка, так и уголовка. То есть за конференцию с Ходорковским уже могла быть уголовка, но на тот момент в 2018 году еще не было практики таких уголовных дел.

Дело на меня возбудили в марте 2019 года — меня снова привлекли за посты об «Открытой России» во «ВКонтакте». Это были посты на моей личной странице, сделанные в конце 2018-го — начале 2019-го. Например, в одном из постов я написал, что больше не координатор «Открытки». В уголовном деле указано, что я специально использовал сокращенное название «Открытой России» — в целях конспирации. Были и другие посты — например, о деле Анастасии Шевченко.

— СМИ писали, что дело появилось из-за того, что в 2019 году вы участвовали в собрании «Открытой России». Это не так?

— Не совсем так. Участие в собрании не является правонарушением. Но эта статья позволяет освободить человека от ответственности, если он сам вышел

из организации до того, как появилось дело. Я вышел в феврале, а 11 марта присутствовал на собрании регионального отделения — в качестве журналиста. Но мое присутствие было указано в деле как признак того, что на самом деле я продолжал участвовать в деятельности «Открытой России». Хотя на том собрании я никак не участвовал ни в выборах, ни в обсуждении вопросов повестки.

— Вы были на мероприятии как журналист «Урал. МБХ медиа»?

— Нет, я был от «Новой газеты», с которой тогда параллельно сотрудничал.

— Вы начали работать в «МБХ медиа» после того, как вышли из «Открытой России»?

— В «Урал. МБХ медиа» я работаю с 1 февраля 2019 года, а из «Открытой России» вышел в середине месяца. Но «МБХ медиа» не связано с «Открытой Россией».

— Как вы считаете, почему именно вы попали под преследование?

— Я не единственный, кто под него попал. Изначально я был вторым — после [активистки «Открытой России»] Анастасии Шевченко, [которая попала под домашний арест по делу о работе «нежелательной» организации в Ростове-на-Дону 23 января 2019 года]. Уголовное дело

возбуждается в отношении тех, у кого уже есть две административки, вступившие в силу и непогашенные. Всего таких людей на январь-март 2019-го было человек 15, может быть. Но в итоге уголовных дел было пять — одно было закрыто, еще одно находится в непонятном статусе. Так что реальных дел сейчас три. Почему я попал в топ-3, у меня нет предположений.

Думаю, Анастасия Шевченко попала туда, потому что люди, которые заводили уголовное дело, могли подумать, что она представляет реальную политическую угрозу. Яна Антонову из Краснодара — неудивительно, что ее привлекли, Краснодарский край — один из самых репрессивных регионов. Наверное, репрессивнее только Чечня и Кемеровская область. Екатеринбург всегда отличался меньшей репрессивностью, поэтому, почему дело возбудили на меня, — сказать сложно. Возможно, имели место чисто корыстные мотивы — повысить раскрываемость дел, возможно, что-то еще.

— У вас не было конфликтов с местной властью?

— Я активно участвую в политической и журналистской деятельности. Если это считать конфликтом, то можно так сказать. Но у меня не было ситуации а-ля [журналист Иван] Голунов, чтобы я непосредственно с кем-то бился. Не думаю, что это личная ненависть за какие-то вещи.

— Сейчас вы больше журналист или политик?

— Журналист и политик, но основная работа — журналист.

— **Еще как-то участвуете в политике сейчас?**

— Я член федерального политсовета партии «Парнас», в которой состою почти 10 лет. Эта деятельность никуда не уходила.

— **Если вернуться к суду, то как там доказывали связь российской «Открытой России», которая не признана нежелательной организацией, и британской организации Open Russia Civic Movement, которая признана?**

— Все преследование действительно строится на том, что российское движение «Открытая Россия», существовавшее до марта 2019 года, является филиалом британской Open Russia Civic Movement. Но никаких доказательств этому предъявлено не было.

Еще при рассмотрении административных дел нами неоднократно указывалось, что никакой связи между ними нет. Но судьи этот факт тотально игнорировали. По уголовному делу мы ходатайствовали, чтобы отправить запросы в британское посольство и российские прокуратуру и МВД, — чтобы они дали какие-то основания о связи организацией. Но все это было отклонено с совершенно примитивной

формулировкой, что материалов, содержащихся в деле, достаточно для ответа на данный вопрос.

Также по уголовному делу выступали оперуполномоченные, которые делали на меня материалы дела. Они говорили, что у них есть все данные о том, что это одна организация, но все это гостайна.

— В деле был и засекреченный свидетель. Что он сказал?

— Все, что хотело услышать обвинение. Что российская «Открытая Россия» — это та самая «нежелательная» организация и далее по тексту. В деле он указан как участник «Открытой России».

— Это действительно активист?

— Есть разные мнения. Сильно подозреваем, что это действительно кто-то из активистов. Даже есть небезосновательные подозрения, кто именно, но прямых доказательств, естественно, нет. Свидетель действительно был тайным — никакой возможности его вычислить у нас не было.

— Почему он дал такие показания? Личный конфликт?

— Нет, конфликтов ни с кем не было. Если предположить, что это кто-то из активистов, то очевидно,

что это подсадная утка. Очевидно, что этот человек изначально был прислан. В этом нет ничего удивительного. В любой оппозиционной организации, да и не только оппозиционной, всегда будет кто-то из спецслужб. И, кстати говоря, в СМИ тоже. И в «Медузе» тоже наверняка — имейте это в виду. Я шучу.

— Судья во время рассмотрения дела сказал, что вы входите в некую «систему Ходорковского». Что это значит?

— Судья указывал на то, что так как я являюсь журналистом «МБХ медиа», то я остаюсь в «системе Ходорковского». Хотя и «Открытая Россия» и лично Михаил Ходорковский если и упоминаются там [в «МБХ медиа»], то максимум пару раз в год. В любом другом СМИ — в том числе в «Медузе» — они упоминаются многократно чаще. *(С начала 2020 года Ходорковский хотя бы косвенно упоминался в пяти материалах «МБХ медиа» и 12 материалах «Медузы» — прим. «Медузы».)*

— Вы с Ходорковским когда-нибудь лично общались?

— Общался на конференциях, когда еще состоял в «Открытой России». Я и не скрывал этого, у меня все есть в соцсетях. Мы пересекались с Михаилом Борисовичем на мероприятиях — общались,

фотографировались, но не более того. Не было такого, чтобы была какая-то аудитория.

— Ваше общение как-то упоминалось в уголовном деле?

— Нет.

— Оказывалось ли на вас давление во время следствия? Например, к вам приходили с обыском, выламывали дверь.

— В принципе ничего особо не было. Перед обыском я долго не открывал дверь — звонил адвокату, думал что делать. Они начали выламывать дверь, и я ее открыл — дверь осталась в рабочем состоянии. У меня изъяли макбук и смартфон, потом их вернули. Загранпаспорт вернули вместе с техникой.

— В середине января стало известно, что Центр «Э» четыре месяца снял на скрытую камеру спальню Анастасии Шевченко. У вас подобного не было?

— У меня нет информации, что кто-то следил за мной у меня в квартире. Хотя если бы это выяснилось, я бы не удивился.

— После приговора вы сказали, что общались о деле с некими силовиками, которых можно было увидеть на суде. И они якобы сказали, что

«понимают всю сущность дела» и «желают вам всего наилучшего». Что это было за общение и кто эти люди?

— Я не могу назвать их. Больше ничего я сказать не могу. Это непубличная информация, вы же понимаете.

— На этапе следствия вам предлагали какую-нибудь сделку?

— Ничего такого не было.

— Предлагали дать показания на других активистов?

— Нет. Все дело шло очень примитивно, никаких особенных моментов не было. Все по накатанной.

— Как вы думаете, почему ваш приговор стал первым по этой статье? Вы сами раньше говорили, что первым вынесут приговор Анастасии Шевченко.

— Очевидно, что в силу репрессивности южных регионов они планируют держать Анастасию Шевченко подольше. А я был следующим в списке.

— Вы уже понимаете, какие обязательные работы вас ждут?

— Приговор еще не вступил в законную силу. После того, как это произойдет, будет понимание. Буду либо красить

что-то, либо мыть, либо еще что-то. Если бы была зима, то с большой вероятностью дали бы чистить снег. Но так как у меня эти работы будут ориентировочно с мая по август, то будет что-то другое.

Есть общие положения, что работать нужно не меньше 2 и не больше 4 часов в день. Естественно, поскольку я надеюсь все быстрее закончить, я, если это будет возможно, буду отрабатывать по 4 часа в день.

— Есть ли еще какие-то обязательства или ограничения в связи с приговорам?

— Нет. Эта статья не настолько жесткая, чтобы повлечь за собой какие-то ограничения вроде блокировки счетов.

— Вы будете обжаловать приговор? Например, ЕСПЧ.

— Естественно. Это и ЕСПЧ, и возможность, чтобы наказание смягчили до штрафа. Да и чем черт не шутит — иногда же бывает, что на апелляционной инстанции оправдывают. Это, конечно, что-то невероятное, но тем не менее — если не выстрелишь, то и не попадешь. Обжалование, конечно, нужно, тем более с моей стороны оно не требует каких-то слишком тяжелых действий.

— Как вы думаете, для судей ваш приговор станет ориентиром по подобным делам?

— Ориентир в том, что приговор обвинительный. Насчет того, будет ли аналогичное наказание, сложно сказать. Я не знаю, как они будут действовать.

Кроме того, в конце апреля будет принята амнистия к 75-летию Победы. На данный момент статья 284.1 не входит в проект амнистии и скорее всего не войдет, но тем не менее. Когда была последняя широкая амнистия в 2013 году, в последние недели ее серьезно дополнили статьями. Я не то чтобы надеюсь на это, но при определенном раскладе это возможно. В 2013 году по амнистии вышла куча людей по политическим статьям. В том числе огромное количество людей, которые были фигурантами «Болотного дела».

— Вы понимаете, почему по этой статье преследуют именно активистов «Открытой России»?

— Российской движение «Открытая Россия» уже почти год как не существует. Сегодня существует российская общественная организация «Открытая Россия», которая спокойно действует и по ней никого не привлекают. Поэтому я думаю, что все ограничится теми уголовками, которые сейчас есть. Но, конечно, мы не знаем, что будет через год — как никто не ожидал, что эти уголовки так резко начнутся. Мы живем в авторитарной системе, в которой всегда возможно подобное.

— А в чем был смысл такого давления? Если его начали, но приостановили.

— Смысл любых авторитарных репрессий в том, чтобы запугать людей. Чтобы как можно больше людей не шли в политику. Одно дело — активисты, как я, которые много лет убеждены, что нужно делать то-то и то-то, а другое — куча людей, которые просто недовольны происходящим в стране, но для себя они еще не решили, готовы ли они в чем-то участвовать. И когда эти люди видят подобные уголовные дела, конечно, потом они решают «пусть они сами как-нибудь разберутся, без меня». Это очень сильно деморализует общество.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ

Власти преследуют независимые СМИ с помощью закона о «нежелательных организациях». Чем еще он страшен?

По закону о «нежелательных организациях» начали преследовать активистов Главная цель — разгром «Открытой России». Сможет ли она себя защитить?

Активистку «Открытой России» целый день не отпускали из-под ареста к умирающей дочери.
В России нет закона, регулирующего такие ситуации

(1) Статья 284.1 Уголовного кодекса

Руководство или участие в деятельности иностранной или международной неправительственной организации, признанной в России нежелательной. Предусматривает в качестве наказания штраф, исправительные или принудительные работы или лишение свободы на срок от двух до шести лет.

[Вернуться к тексту.](#)